

Флоринда ДОННЕР

СОН ВЕДЬМЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Труд Флоринды Доннер имеет для меня особое значение. Он, фактически, находится в согласии с моей собственной работой, но в то же время несколько отходит от нее. Флоринда Доннер – мой соратник. Мы оба вовлечены в одно и то же занятие; мы оба принадлежим миру дона Хуана Матуса. Отличие происходит из-за того, что она женщина. В мире дона Хуана мужчины и женщины идут в одном направлении, одним и тем же путем воина, но по противоположным краям дороги. Поэтому взгляды на одни и те же явления получены с этих двух позиций и разнятся в деталях, но не в целом.

Такая близость к Флоринде Доннер при любых других обстоятельствах могла бы неизбежно породить скорее чувство верности, чем безжалостной проверки. Но по предпосылкам пути воина, которому мы оба следуем, верность выражается только в требовании чего-то лучшего для себя. Для нас лучшее означает полную проверку всего того, что мы делаем.

Следуя учению дона Хуана, я предпринял безжалостную проверку работы Флоринды Доннер. И нашел, что для меня здесь имеется три различных уровня, три четкие сферы ее оценки.

Во-первых – это богатые подробности ее описания и повествования. По-моему, эти детали этнографичны. Мелочи повседневной жизни, заурядные для культурного окружения описанных персонажей, представляют собой нечто совершенно нам неизвестное.

Во-вторых – все сделано очень изящно. Я рискну сказать, что этнограф должен быть еще и писателем. Для того, чтобы ввести нас в этнографическое описание мира, этнограф должен быть более чем ученым-обществоведом, он должен быть художником.

Третьим является честность, простота и прямолинейность работы. И здесь я, без сомнения, очень требователен. Флоринда Доннер и я сформированы одними и теми же силами; поэтому ее труд подчинен общей модели устремления к совершенству. Дон Хуан учил, что наш труд должен быть полным отражением нашей жизни.

Я не в силах выразить чувство восхищения и уважения воина к Флоринде Доннер, той, кто в одиночестве, имея мизерный шанс, сохранила свое душевное равновесие и осталась верным последователем пути воина и учения дона Хуана.

Карлос Кастанеда

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

В предиспанские времена штат Миранда на северо-востоке Венесуэлы был населен индейскими племенами карибов и кинарикотов. В колониальную эпоху здесь появились две другие расовые и культурные группы: испанские колонизаторы и африканские рабы, которых испанцы принуждали работать на своих плантациях и рудниках.

Потомки индейцев, испанцев и африканцев образовали смешанное население, которое в настоящее время населяет мелкие деревушки, селения и города, разбросанные в прибрежной и материковой зоне.

Некоторые города штата Миранда известны своими травниками и знахарями, многие из которых были спиритами, медиумами и магами.

В середине семидесятых годов я приехала в Миранду. Будучи в то время студентом-антропологом и интересуясь знахарством, я работала с женщиной-знахаркой. Учитывая ее просьбу остаться неизвестной, я назову ее Мерседес Перальтой, а ее город - Курминой.

С разрешения знахарки, так четко и точно, как только могла, я записывала в свой полевой блокнот все, что касалось моих отношений с ней, начиная с момента моего прихода в ее дом. Мною записаны несколько историй, рассказанных некоторыми из ее пациентов. Поэтому настоящая работа состоит из частей моего полевого блокнота и рассказов этих пациентов, причем материал подбирала лично Мерседес Перальта. Части, взятые из дневника, написаны от первого лица. Рассказы пациентов приведены в третьем лице. Единственной вольностью в обращении с материалом является изменение имен и личных дат персонажей рассказов.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Все началось для меня с трансцендентального события; события, которое определило ход моей жизни. Я встретила с нагвалем. Он был индейцем из северной мексике.

Словарь испанской королевской академии определяет термин "нагваль", как испанскую адаптацию слова "нахуталь", которое означает колдуна или мага на языке аборигенов южной мексике.

До сих пор в современной мексике существуют традиционные истории о нагвале, человеке древних времен, обладающие необычайными силами, способном выполнять действия, которые не поддаются воображению. Однако, в настоящее время и в городе, и на селе, нагваль считается чистой легендой. Впечатление такое, что они живут в народных сказаниях, в мире фантазии и слухов.

Тем не менее, нагваль, которого я встретила, был реальным. В нем не было ничего иллюзорного. Когда я спросила его о хорошо известной уникальности, которая делала его нагвалем, он предъявил по-видимости простую, и все же совершенно сложную идею, в стиле объяснения того, что он делал, и того, кем он был. Он рассказал мне, что нагвальство начинается с двух несомненных фактов: факта того, что люди являются необычными существами, живущими в необычном мире; и факта того, что ни при каких обстоятельствах ни человек, ни мир не могут считаться доказанными и определенными.

Он сказал, что из этих простых предпосылок вырастает простой вывод: нагвальство срывает одну маску и немедленно надевает другую. Нагвали срывают маску, которая позволяет нам видеть себя и мир, в котором мы живем, как нечто обычное, непрехотливое, предсказуемое и повторяющееся; они надевают вторую маску, ту, которая поможет нам увидеть себя - и наше окружение - как потрясающие события, которые расцветают только на краткий миг и никогда не будут повторены вновь.

После встречи с этим незабываемым нагвалем у меня был момент нерешительности и колебаний, исключительно благодаря страху, который я почувствовала при пересмотре подобного впечатляющего примера. Я хотела убежать от нагваля и его предметов поиска, но не смогла сделать это. Немного позже я сделала решительный шаг и присоединилась к нему и его партии.

Но это не рассказ о нагвале, хотя его идеями и влиянием отмечено все, что я делала. Не мое дело писать или даже упоминать о нем. Есть другие в его группе, кто делает это.

Когда я присоединилась к нему, он устроил мне в мексике встречу с

необычайной и поразительной женщиной - возможно, она была самой осведомленной и влиятельной женщиной в его группе. Ее звали Флоринда матус. Несмотря на ее одежду скучно-однообразного цвета, она имела врожденное изящество высокой и тонкой женщины. Ее немного бледное лицо, худощавое и строгое, было увенчано косой светлых волос и привлекало большими светящимися глазами. Ее хриплый голос и радостный смех успокоили мой необоснованный страх перед ней.

Нагваль оставил меня на ее попечение. Я сразу же спросила Флоринду, была ли она сама тоже нагвалем. Как-то загадочно улыбаясь, она уточнила определение этого слова: "Быть колдуном, магом или ведьмой не означает быть нагвалем. Но любой из них может стать им, если он или она примут ответственность и поведут группу мужчин или женщин, вовлеченных в определенный поиск знаний".

Когда я спросила ее, что представляет собой этот поиск, она ответила, что этим мужчинам или женщинам надо найти вторую маску, которая помогла бы им увидеть себя и мир такими, какими мы действительно являемся - потрясающими событиями.

Но здесь не будет рассказа о Флоринде, несмотря на то, что эта женщина наставляла меня в каждом действии, которое я выполняла. Это скорее рассказ об одной из многих вещей, которые она заставила меня делать.

- Для женщины поиск знания в самом деле очень любопытная вещь, - сказала мне однажды Флоринда. - мы проходим здесь через странную уловку.

- Почему это так, Флоринда?

- Потому что женщина в действительности этого не хотят.

- Я хочу.

- Ты говоришь, что хочешь. В действительности ты не хочешь этого.

- Я здесь, с тобой. Разве это не говорит о моем желании?

- Нет. Случилось так, что ты понравилась нагвалю. Его индивидуальность одолела тебя. Я сама такая же. Я была ошеломлена предшествующим нагвалем. Он был самым неотразимым магом.

- Я допускаю, что ты права, но лишь отчасти. Я хочу участвовать в поиске нагваля.

- Я не сомневаюсь в этом. Но этого недостаточно. Женщинам необходимы некоторые особенные уловки, чтобы добраться до сути самих себя.

- Какие уловки? О какой сути самой себя ты говоришь, Флоринда?

- Если внутри вас есть что-то, о чем вы не знаете, например, скрытые резервы, неожиданная наглость и коварство, или благородство души в минуты горя и боли, это должно выйти, когда мы сталкиваемся с неизвестным, оставаясь одинокими, без друзей, без привычных групп, без поддержки. Если при таких обстоятельствах из вас ничего не вышло, значит, у вас ничего и нет. И прежде, чем сказать, что ты действительно жаждешь поисков нагваля, определи для себя, имеется ли что-нибудь внутри тебя. Я требую, чтобы ты сделала это.

- Я не думаю, что получу какую-то пользу, проверяя себя.

- Тогда вот мой вопрос: можешь ли ты жить без знания того, имеется ли нет что-либо скрытое внутри тебя?

- Но что, если я одна из тех, у кого ничего нет?

- Если это так, тогда я задам тебе свой второй вопрос. Можешь ли ты продолжать жить в мире, избранном тобой, если ты не имеешь ничего внутри себя?

- Почему же, конечно, я могу продолжать быть здесь. Я уже присоединилась к тебе.

- Нет, ты только думаешь, что избрала мой мир. Избрание мира нагваля - это не просто тема для разговора, как у тебя. Ты должна доказать это.

- Как, по-твоему, я могу это сделать?

- Я дам тебе намек. Ты не последуешь ему, но если все же захочешь, поезжай одна туда, где ты родилась. Ничто не может быть лучше и легче, чем это. Иди и возьми свой шанс, каким бы он ни был.

- Но твой совет непрактичен. У меня нет добрых чувств к этому месту. Я не смогу оставаться там в хорошем состоянии.

- Тем лучше; шансы будут против тебя. Именно поэтому я и выбрала твою родину. Женщине не нравится быть слишком обеспокоенной; если она заботится о вещах, она связана. Докажи мне, что ты не поступишь таким образом.

- Посоветуй мне, что я должна делать в этом месте?

- Будь собой. Делай свою работу. Ты говорила, что ты хочешь стать антропологом. Будь им. Что может быть проще?

2

Несколько лет спустя, следуя советам Флоринды, я наконец вернулась в Венесуэлу - туда, где родилась. На первый взгляд я собирала антропологические данные о знахарской практике. В действительности я исполняла здесь, по наставлению Флоринды, необходимые уловки, чтобы обнаружить, обладаю ли я скрытыми резервами, без которых невозможно оставаться в мире нагваля.

Согласие на то, что моя поездка будет предприниматься в одиночестве, было вытянуто из меня почти силой. Строго и решительно Флоринда заметила, что ни при каких обстоятельствах я не должна советоваться с кем-либо во время поездки. Зная, что я учусь в колледже, она порекомендовала мне не пользоваться привилегиями академической жизни. Я не могла просить о стипендии, имея научного руководителя, не могла даже просить помощи у родных и близких. Я должна была позволить обстоятельствам диктовать путь следования, и приняв только его, я бросилась в это с неистовством женщины на пути нагваля.

Я договорилась поехать в Венесуэлу с неофициальным визитом. Мне можно было видаться с родственниками. Я думала и собирала сведения о любой возможности для будущего исследования в культурной антропологии. Флоринда хвалила меня за быстроту и тщательность, хотя мне кажется, она забавлялась со мной. Хвалить меня было не за что. Я напомнила ей, что меня волнует отсутствие ее инструкций. Снова и снова я просила ее более детально раскрыть мою роль в Венесуэле. Чем ближе подходила дата моего отъезда, тем больше я беспокоилась об исходе всего этого. Я настаивала, правда, не в очень ясных выражениях, на необходимости более определенных инструкций.

Мы сидели в плетеных креслах, удобно подбитых мягкими подушками, в тени фруктовых деревьев, растущих в ее огромном дворе. В своем длинном кисейном платье, в своей широкополой шляпке, обмахиваясь разрисованным веером, она выглядела человеком другой эпохи.

- Забудь об определенной информации, - сказала она нетерпеливо. - она не принесет тебе никакой пользы.

- Она обязательно даст мне массу полезного, - настаивала я. - я действительно не понимаю, почему ты не сделаешь этого для меня, Флоринда.

- Вيني в этом тот факт, что я нахожусь в мире нагваля; тот факт, что я женщина, и что я принадлежу другому настроению.

- Настроению? Что ты подразумеваешь под настроением?

Она посмотрела на меня далеким беспристрастным взглядом.

- Хотела бы я, чтобы ты слышала свои слова. Какое настроение? - передразнила она меня. Ее лицо выразило презрение. - видишь ли, аккуратная расстановка мыслей и дел не для меня. Для меня порядок отличается от аккуратной расстановки вещей. Я не проклинаю глупость и не имею терпение. Это является настроением.

- Это звучит ужасно, Флоринда. Я была уверена, что в мире нагваля люди стоят выше мелочности и не ведут себя нетерпеливо.

- Быть в мире нагваля значит ничего не делать со своим настроением, - сказала она, сделав смешной, безнадежный жест. - ты же видишь, я безупречно нетерпима.

- Мне действительно хочется знать, что означает быть безупречно нетерпимой.

- Это означает, например, что я полностью сознаю, как ты надоела мне

со своей глупой настойчивостью, выпрашивая подробные инструкции. Моя нетерпимость говорит мне, что я должна остановить тебя. Но моя безупречность заключается в том, чтобы заставить тебя замолчать немедленно.

Все это выльется в следующее, – продолжала она, – если ты, несмотря на мое предупреждение, будешь упорствовать в просьбе о подробностях, что вызвано только твоей дурной привычкой иметь все разжеванным, я ударю тебя, чтобы ты остановилась. Но я никогда не буду сердита или обижена на тебя.

Несмотря на ее серьезный тон, я засмеялась.

– Ты действительно будешь меня бить, Флоринда? Хорошо, лупи меня, если тебе это нужно, – добавила я, рассматривая ее решительное лицо. – но мне надо знать, что я буду делать в Венесуэле. Я схожу с ума от волнения.

– Все верно! Если ты настаиваешь на знании деталей, которые я считаю важными, я расскажу тебе. Я надеюсь, ты понимаешь, что мы разделены бездной, и через эту бездну нельзя перебросить мост с помощью болтовни. Мужчины могут строить мосты из своих слов, а женщины не могут. Сейчас ты подражаешь мужчинам. Женщины делают мост из своих поступков. Ты знаешь, что мы даем рождение. Мы создаем людей. Я настаиваю на твоём отъезде для того, чтобы ты в одиночестве определила, что является твоими сильными сторонами, а что – слабостями.

– Я понимаю, о чем ты говоришь, Флоринда, но прими во внимание мое положение.

Флоринда смягчилась, отбросив резкий ответ, уже готовый сорваться с ее губ.

– Все верно, все верно, – сказала она устало, жестом приказав мне поставить свой стул рядом с ней. – я дам тебе подробные детали того, что я считаю важным для твоей поездки. К счастью для тебя, это не будет подробной инструкцией, за которой ты гоняешься. Ты хочешь, чтобы я точно расписала тебе, что делать в будущей ситуации и когда это делать. То, о чем ты просишь, совершенно глупо. Как я могу дать тебе инструкции о том, чего еще не существует? Лучше я дам тебе взамен инструкции, как привести в порядок свои мысли, чувства и реакции. Используя их, ты справишься с любой возможностью, которая может представиться.

– Ты это серьезно, Флоринда? – спросила я недоверчиво.

– Я смертельно серьезна, – уверила она меня. Наклоняясь вперед на своем стуле, она продолжала говорить, сопровождая все улыбкой и смехом. – первым подробным пунктом считается проведение инвентаризации самой себя. Видишь ли, в мире нагваля мы должны отвечать за свои поступки.

Она начала напоминать мне то, что знала о пути воина. За то время, что я была с ней, говорила она, я прошла обширную практику в тяжелой психологии мира нагваля. Поэтому любые детальные инструкции, которые она могла мне сейчас преподнести, фактически были подробным напоминанием о пути воина.

– На пути воина женщина не чувствует себя важной, – продолжала она, словно декламируя что-то заученное наизусть, – так как важность смягчает неистовство. На пути воина женщины свирепы. Они остаются неистово беспристрастными при любых условиях. Они не требуют ничего, но готовы дать себе все, что угодно. Они неистово ищут сигнал из души вещей в виде доброго слова, уместного жеста; и когда они находят его, то выражают свою благодарность, удваивая свое неистовство.

На пути воина женщины не рассуждают. Они неистово ступеваются для того, чтобы слушать и наблюдать, поэтому они могут покорять и быть покорными своим победителям, или быть побежденными возвеличены поражением.

На пути воина женщины не сдаются. Они могут быть побеждены тысячи раз, но они никогда не сдаются. И превыше всего, на пути воина женщины свободны.

Не смея перебивать ее, я продолжала очарованно смотреть на Флоринду, хотя и не совсем понимала то, о чем она говорит. Я почувствовала острое отчаяние, когда она остановилась, будто ей нечего было больше мне сказать. Совершенно не желая того, я бесконтрольно расплакалась. Я знала, что то, о

чем она говорит, не поможет мне решить свои проблемы.

Она позволила мне поплакать немного, а затем рассмеялась.

- Ты на самом деле плачешь! - недоверчиво воскликнула она.

- Ты самая бессердечная и бесчувственная из всех, кого я встречала, - сказала я сквозь рыдания. - ты готова отправить меня бог знает куда, и даже не говоришь, что мне там делать.

- Но я уже сделала это, - сказала она, спокойно улыбаясь.

- То, что ты сказала, не имеет значения в реальной жизненной ситуации, - сердито возразила я. - а сама ты выглядишь, как диктатор, который выкрикивает с трибуны лозунги.

Флоринда весело смотрела на меня.

- Ты будешь удивлена, как много пользы можно извлечь из этих глупых лозунгов, - сказала она. - но сейчас давай придем к соглашению. Я никуда не гоню тебя. Ты женщина на пути воина, ты вольна делать все, что пожелаешь, и ты знаешь это. Ты еще не поняла, что мир нагваля повсюду. Я не учитель для тебя; я не наставник для тебя; я за тебя не отвечаю. Только ты за себя в ответе. Самой трудной вещью, которую следует понять о мире нагваля, является то, что он предлагает полную свободу. Но свобода не освобождает.

Я взяла тебя под свое крылышко из-за того, что у тебя есть естественная способность видеть все так, как оно есть, ты можешь убрать себя из ситуации и увидеть в этом нечто удивительное. Это дар; ты была рождена такой. Для обычных людей требуются годы, чтобы убрать себя из своих затруднений с самим собой и обрести способность видеть в этом нечто удивительное.

Не считаясь с ее похвалой, я продолжала беспокоиться. В конце концов она успокоила меня, пообещав, что перед моим отъездом даст мне подробную информацию, какую я только пожелаю.

Я ждала ее в зале ожидания аэропорта, но Флоринда не пришла. Удрученная и переполненная жалостью к себе, я дала волю своему отчаянию и разочарованию. Под любопытными взорами прохожих я села и заплакала. Я не чувствовала себя такой одинокой никогда раньше. Все, о чем я могла думать тогда, так это только о том, что никто не пришел проводить меня, никто не помог мне нести мои чемоданы. Я всегда пользовалась услугами родственников и друзей, провожавших меня.

Флоринда предупреждала меня, что любой, кто выбрал мир нагваля, должен быть готов к неистовому одиночеству. Она ясно выразилась, что для нее одиночество означает не уединенность, а физическое состояние уединенности.

3

Я никогда себе не представляла, какой защищенной была моя жизнь. В комнате отеля в каракасе, одна и без каких-нибудь идей о том, что делать, я только сейчас испытала одиночество, о котором говорила Флоринда. Единственное, что я могла еще делать - это сидеть в кровати и смотреть телевизор. Я не желала касаться своих чемоданов и даже подумывала улететь обратно в Лос-Анджелес. Моих родителей в это время в Венесуэле не было, а с братьями я не смогла созвониться.

Только после огромного усилия я начала распаковывать свои вещи. И вдруг нашла записку, написанную Флориндой; она была аккуратно спрятана внутри пары сложенных брюк. Я жадно прочла ее.

"Не беспокойся о мелочах. Если имеешь убеждение, то мелочи склонны подчиняться обстоятельствам. Твоим планом может быть следующее. Выбери что-нибудь и назови это началом. Затем иди и стань лицом к началу. Встав лицом к лицу с началом, позволь ему сделать с собой все, что угодно. Я надеюсь, что твои убеждения не позволят тебе выбрать начало с причудами. Смотри на вещи реально и скромно. Начни это сейчас!

Для начала можешь делать все, что хочешь".

Обретя решительность Флоринды, я взяла телефон и набрала номер моей старой подруги. У меня не было уверенности, что она еще живет в каракасе. Вежливая дама, ответившая мне, дала несколько других номеров, так как моя знакомая недолго жила по этому адресу. Я начала звонить всем, кого знала, мне нельзя было останавливаться. Начало овладело мной. В конце концов я нашла супружескую пару, которую знала с детства. Это были друзья моих родителей. Они захотели увидеть меня немедленно. Собираясь на свадьбу, они настояли на том, чтобы я присоединилась к ним. Они уверяли меня, что все будет хорошо.

На свадьбе я встретила бывшего священника-иезуита, который был антропологом-любителем. Мы проговорили с ним много часов подряд. Я рассказала ему о своем интересе к антропологическим изысканиям. Как будто ожидая от меня этого, он начал излагать спорные мнения о народных целителях, раскрывая социальную роль, которую они играли в своем окружении.

Я не упоминала целителей или целительство вообще, как возможное направление моих изысканий, хотя они и стояли для меня на первом плане. Вместо чувства радости, что он, казалось бы, следует моим сокровенным желаниям, я начала опасаться, что стою на грани срыва. Когда же он сказал, что мне не следует посещать городок Сортес, хотя его и принято считать центром спиритизма в западной Венесуэле, я почувствовала, что он мне надоед до чертиков. Он, казалось, предвосхищал каждый мой шаг. Это был именно тот городок, куда я собиралась съездить, если не случится чего-нибудь еще.

Я вполне оправдала себя и уже собиралась покинуть священника, когда он довольно крикливым тоном сказал, что мне нужно серьезно подумать о поездке в Курмину, в северную Венесуэлу, где я могла бы найти феноменальную удачу, так как город был новым и истинным центром спиритизма и знахарства.

- Я не понимаю, как и откуда, но я знаю, что ты до смерти хочешь встретиться с ведьмами Курмины, - сказал он сухим деловым тоном.

Он взял кусок бумаги и начертил карту области. Затем отметил точные расстояния в километрах от каракаса до разных мест, где, как он говорил, жили спириты, маги, ведьмы и знахари. Он уделил особое внимание имени Мерседес Перальты. Совершенно бессознательно он выделил его, сначала окружив его, а затем начертив вокруг него жирной линией квадрат.

- Она спиритуалистка, ведьма и знахарка, - сказал он, улыбаясь мне. - ты, наверное, захочешь повидать ее?

Я знала, о ком он говорит. Под руководством Флоринды я встречалась и сотрудничала со спиритами, магами, ведьмами и знахарями северной мексике и среди латинского населения южной калифорнии. С самого начала Флоринда дала мне их классификацию. Спириты являются практиками, которые умоляют души святых или чертей заступиться за них, а в некоторых случаях - за их пациентов. Их функция заключается в том, чтобы войти в контакт с духами и истолковать их советы. Советы даются посредством встреч, на которые вызывают духов. Маги и ведьмы являются практиками, которые влияют на своих пациентов непосредственно. С помощью знания оккультных наук они прикладывают неизвестные и непредсказуемые элементы к двум типам людей, которые приходят посмотреть на них. Это пациенты, ищущие помощи, и клиенты, жаждущие взглянуть на магические дела. Целители являются практиками, которые стремятся исключительно к восстановлению здоровья и благополучия.

Флоринда подстраховалась, она включила в эту классификацию все возможные классификации этих трех.

В шуточной форме, но со всей серьезностью, она утверждала, что в вопросе восстановления здоровья я предрасположена верить, что незападные методы менее эффективны, чем медицина запада. Она пояснила, что я ошибаюсь, не понимая, что лечение зависит от практикуемого лечения, а не от знания тела. Она утверждала, что западных методов лечения, как

отдельной вещи, нет, поскольку лечение, в отличие от медицины, не является оформленной дисциплиной. Флоринда шутила надо мной, высмеивая мой предрассудок верить в то, что если пациент вылечился с помощью лекарственных растений, массажа или магических заклинаний, то либо болезнь была психосоматической, либо лечение было результатом везения, счастливой случайности, к которой сам практик не имеет никакого отношения.

Флоринда была убеждена, что человек, который удачно восстанавливает здоровье, будь он доктор или народный целитель, является тем, кто может изменять фундаментальные ощущения тела о себе и своих связях с миром – то есть тот, кто предоставляет свой ум и тело новым возможностям, при помощи которых могут быть сломаны привычные формы шаблонов, которым тело и ум приучены подчиняться.

Флоринда долго смеялась, когда я выразила искреннее удивление, выслушав подобные мысли, бывшие в то время для меня революционными. Она сказала мне, что все, о чем она говорит, происходит от знания, которое она делит со своими спутниками в мире нагваля.

Следуя инструкциям, данным Флориндой в записке, я позволила ситуации вести меня; я дала ей развиться с минимальным вмешательством с моей стороны. Я чувствовала, что должна переехать в Курмину и увидеть женщину, о которой говорил бывший священник-иезуит.

Когда я впервые приехала в дом Мерседес Перальты, мне пришлось немного подождать в затемненном коридоре, прежде чем я услышала голос, звавший меня из-за портьера, служившей дверью. Я поднялась по двум ступенькам, ведущим в большую, слабо освещенную комнату, где чувствовался запах сигар и нашатыря. Несколько свечей, горевших на массивном алтаре у дальней стены, освещали статуэтки и картины святых, расставленные вокруг облаченной в голубую мантию девы из Коромото. Это была прекрасно вырезанная статуя с красными смеющимися губами, румяными щеками и глазами, которые, казалось, пристально смотрели на меня снисходительным и всепрощающим взором.

Я чуть-чуть прошла. В углу, почти скрытая между алтарем и высоким прямоугольным столом, сидела Мерседес Перальта. Она казалась спящей, ее голова откинулась на спинку стула, глаза были закрыты. Она выглядела очень старой. Я никогда не видела такого лица. Даже в своей спокойной неподвижности оно выдавало пугающую силу. Отблеск свечей скорее смягчал, чем подчеркивал решительность, отпечатанную в сети морщин.

Она медленно открыла глаза – они были огромными, миндальной формы. Белки ее глаз незаметно меняли свой цвет. Сначала ее глаза были почти пустыми, затем они ожили и пристально посмотрели на меня с тревожной прямоотой ребенка. Прошло несколько секунд и постепенно под ее пристальным взглядом, который не был ни враждебным, ни дружелюбным, я начала чувствовать себя неудобно.

– Добрый день, донья Мерседес, – приветствовала я ее прежде, чем окончательно потерять всю свою храбрость и убежать из дома. – мое имя Флоринда Доннер, и я буду очень прямолинейной, чтобы не занимать твое ценное время.

Она несколько раз мигнула, подстраивая свои глаза, чтобы продолжать смотреть на меня.

– Я приехала в Венесуэлу изучать методы лечения, – продолжала я, приобретая уверенность. – я учусь в университете в соединенных штатах, но мне по-настоящему нравится быть знахаркой. Я могу платить тебе, если ты примешь меня, как ученицу. Но даже если ты не примешь меня в ученицы, я могу заплатить тебе за любую информацию, которую ты мне сможешь дать.

Старая женщина не сказала ни слова. Она жестом пригласила меня сесть на табурет, затем поднялась и посмотрела на металлический предмет, лежавший на столе. На ее лице было комическое выражение, когда она вновь посмотрела на меня.

– Что это за аппарат? – спросила я отважно.

– Это морской компас, – небрежно сказала она. – он говорит мне всякого рода вещи.

Она подняла его и положила на самую верхнюю полку стеклянного буфета, который стоял у противоположной стены. По-видимому, ее осенила забавная мысль и она начала смеяться.

- Да, я дам тебе любого рода информацию о знахарстве, но не потому, что ты просишь меня об этом, а потому, что тебе повезло. Я уже знаю это наверняка. Чего я не знаю, так это сильна ли ты.

Старая женщина на миг замолчала, а затем вновь заговорила громким шепотом, совершенно не глядя на меня; ее внимание привлекло что-то, находящееся внутри стеклянного буфета.

- Удача и сила - вот все, на что можно полагаться, - сказала она. - я поняла, что ты везучая, той ночью, когда видела тебя на площади, ты еще смотрела на меня.

- Я не знаю, о чем ты говоришь, - сказала я.

Мерседес Перальта повернулась лицом ко мне и вдруг захохотала так странно, что я определенно начала думать о ее безумии. Она раскрыла свой рот так широко, что я увидела несколько коренных зубов, которые у нее еще остались. Затем она резко остановилась, села на свой стул и начала настаивать на том, что видела меня ровно две недели назад поздно ночью на рыночной площади. Она объяснила мне, что была с другом, который вез ее домой из прибрежного поселка со спиритического сеанса. Хотя ее друг и был озадачен, увидев меня одну поздно ночью, она сама ничуть не удивилась.

- Ты мгновенно напомнила мне кое-кого, - сказала она. - это было после полуночи. Ты улыбалась мне.

Я не могла припомнить то, о чем она говорила или то, что я была одна на площади в столь поздний час. Но это могло быть; она видела меня в ту ночь, когда я приехала из каракаса. Я напрасно ожидала целую неделю, что кончится дождь, и в конце концов рискнула выехать из каракаса в Курмину. Мне было прекрасно известно, что здесь бывают частые оползни, так что вместо обычных двух часов пути поездка заняла все четыре. В то время, когда я приехала, весь город спал, я же занялась поисками общежития вблизи от рыночной площади, которое мне порекомендовал бывший священник.

Она поразила меня своим упорством в том, что якобы знала, что я приехала ради нее, с целью увидеться с ней. Тогда я рассказала ей о бывшем священнике, и о том, что он говорил мне на свадьбе в Каракасе.

- Он прямо-таки настаивал, чтобы я повидалась с тобой, - сказала я. - он говорил, что твоими предками были маги и знахари, знаменитые в колониальные времена, и что они даже преследовались святой инквизицией.

Проблеск удивления мелькнул в ее глазах.

- Ты знаешь, что в те дни обвиненных ведьм пытались отправить из Картагена в Колумбию? - спросила она и тут же продолжала: - Венесуэла не была такой важной страной, чтобы иметь свой инквизиторский трибунал. - она сделала паузу и, глядя мне прямо в глаза, спросила: - где ты первоначально планировала изучать знахарские методы?

- В штате Яраку, - неопределенно сказала я.

- Сортес? - спросила она. - Мария Лионза?

Я кивнула головой. Сортес был тем городом, где сосредоточился культ Марии Лионзы. Говорили, что рожденная от индейской принцессы и испанского конкистадора, Мария Лионза имела сверхъестественные силы. Сегодня в Венесуэле ее почитают тысячи людей, как самую святую и чудесную женщину.

- Но я приняла совет бывшего священника и приехала в Курмину, - сказала я, - потом переговорила с двумя знахарками, и обе они сошлись на том, что ты самая знающая, и только ты можешь объяснить мне тайны знахарства.

Я рассказала ей о методах, которым хотела следовать при обучении: я хотела непосредственно наблюдать и участвовать в каких-либо знахарских сессиях, при этом, по возможности, записывая их на магнитофон, и, что важнее всего, беседовать с пациентами, за которыми наблюдала.

Старая женщина кивала мне, время от времени хихикая. К моему величайшему удивлению, она полностью согласилась на предложенные мной условия. Она с гордостью сообщила мне, что несколько лет тому назад с ней

беседовал психолог каракасского университета, который даже прогостил в ее доме целую неделю.

- Думаю, что тебе будет выгодней переехать сюда и жить со мной, - предложила она. - комнат в этом доме достаточно.

Я приняла ее приглашение, но сказала, что рассчитываю остаться здесь по крайней мере на полгода. Она была невозмутима. По ее словам, я могла оставаться с ней годы.

- Я рада тебе, Музия, - прибавила она мягко.

Я улыбнулась. Хотя я родилась и выросла в Венесуэле, всю жизнь меня называли Музия. Это обычно пренебрежительный термин, но в зависимости от тона, в котором он произносится, его можно понимать, как ласковое выражение, относящееся к любому, кто является белокурый и голубоглазым.

4

Напуганная слабым шорохом юбки, прошелестевшей позади меня, я раскрыла свои глаза и уставилась на свечу, горящую на алтаре в полутьме комнаты. Пламя мигнуло и испустило тонкую черную нить дыма. На стене выступила тень женщины с палкой в руке. Тень, казалось, была окружена частоколом мужских и женских голов, которые с закрытыми глазами сидели рядом со мной на старых деревянных стульях, расставленных по кругу. Я едва смогла подавить нервное хихиканье, поняв, что это Мерседес Перальта, которая вкладывает в рот каждого из нас большие самодельные сигары. Затем, сняв с алтаря свечу, она дала каждому прикурить от нее, и, наконец, переставила свой стул в центр круга. Глубоким монотонным голосом она начала петь непонятные, часто повторяющиеся заклинания.

Сдержав приступ кашля, я попыталась синхронизировать мое курение с быстрыми затяжками людей вокруг меня. Сквозь проступившие слезы я следила за их серьезными, окаменевшими лицами, которые с каждой затяжкой становились все живее и живее, пока не начали казаться растворяющимися в ступившемся дыме. Подобно бестелесному объекту, рука Мерседес Перальты материализовалась из этого парообразного тумана. Щелкнув пальцами, она несколько раз начертила в воздухе воображаемые линии, соединяющие четыре главные точки (стороны света).

Подражая другим, я начала раскачивать свою голову вперед и назад в ритме со щелчками ее пальцев и ее низкоголосых заклинаний. Игнорируя растущую тошноту, я заставила себя держать глаза так, чтобы не фокусироваться на отдельных деталях того, что происходило вокруг меня. Это было первый раз, когда мне разрешили присутствовать на встрече спиритов. Донья Мерседес служила медиумом и связным духов.

Ее собственное определение спиритов мало чем отличалось от объяснения Флоринды, за исключением того, что она признавала еще один независимый класс: медиумов. Она определяла медиумов, как проводящих посредников, служащих каналом, с помощью которого духи выражают себя. Она пояснила, что медиумы независимы потому, что они не принадлежат ни к одной из трех категорий. Но они могли быть всеми четырьмя категориями в одном.

- В комнате находится сила, которая мешает мне, - внезапно прервал заклинания донья Мерседес мужской голос.

Тление сигар наполнило дымный мрак глазами обвиняемых, резко оборвалось групповое бормотание.

- Я вижу ее, - сказала она, вскакивая со своего стула. Она переходила от человека к человеку, делая на мгновение паузу около каждого.

Я вскрикнула от боли, когда почувствовала нечто, резко уколотившее мое плечо.

- Иди за мной, - шепнула она мне на ухо. - ты не в трансе.

Боясь, что я буду сопротивляться, она твердо взяла меня за руку и отвела к портьеру, которая служила дверью.

- Но ты сама просила меня прийти, - сказала я ей прежде, чем она

вытолкнула меня из комнаты. - я никому не помешаю, если тихо посижу в углу.

- Ты помешаешь духам, - прошептала она и бесшумно задернула занавес. Я пошла на кухню в заднюю часть дома, где обычно работала по ночам, диктуя на магнитофон и komponуя свои понемногу растущие полевые заметки. Я начала записывать все то, что произошло на встрече. Попытка вспомнить все детали события или все слова беседы всегда была лучшей мерой борьбы с одиночеством, которое постоянно накатывало на меня.

Я работала до тех пор, пока не почувствовала себя сонной, мои глаза устали - света явно не хватало. Я собрала магнитофонные ленты и бумаги и пошла в свою комнату, расположенную в другом конце дома. На миг я остановилась на внутреннем патио. Мое внимание привлекли переменчивые пятна лунного света. Слабый ветерок будоражил ветви виноградных лоз, их зубчатые тени рисовали живописные кружевные узоры на кирпичной кладке внутреннего двора.

Прежде, чем увидеть женщину, я почувствовала ее присутствие. Она сидела на земле, почти скрытая большими терракотовыми горшками, раскиданными по всему патио. Пушистая копна волос венчала ее голову белым нимбом, но ее темное лицо оставалось неясным и смешанным с тенями вокруг нее.

Я никогда раньше не видела ее в доме. Мой первоначальный испуг рассеялся, когда я подумала, что это наверняка одна из подруг доньи Мерседес, а, возможно, и ее пациентка, или даже родственница Канделярии, которая ожидает ее возвращения со спиритического сеанса.

- Простите меня, - сказала я. - я здесь новенькая. Я работаю с доньей Мерседес.

Женщина кивнула мне. Казалось, она знала, о чем я говорю. Но она не проронила ни слова. Одержимая необъяснимой тревогой, я попыталась справиться с истерическим испугом. Я заставила себя повторять, что нет причин для паники в том, что старая женщина сидела на корточках в патио.

- Вы здесь на сеансе? - спросила я неуверенным голосом.

Женщина утвердительно кивнула головой.

- Я тоже была там, - сказала я, - но донья Мерседес прогнала меня.

Я вдруг почувствовала облегчение и захотела посмеяться над ситуацией.

- Ты боишься меня? - внезапно спросила старая женщина. Ее голос был резким, скрипучим и все же молодым.

Я засмеялась. Мне хотелось легкомысленно соврать ей, но что-то сдерживало меня. Я услышала свой голос, который говорил о том, как я была напугана ею.

- Пойдем со мной, - по-деловому приказала мне женщина.

Моей первой реакцией было последовать за ней, но вместо этого я услышала, что говорю то, о чем говорить не собиралась:

- Я закончила свою работу. Если ты хочешь поговорить со мной, делай это здесь и сейчас.

- Я приказываю тебе, иди за мной! - закричала она.

Вся энергия моего тела, казалось, тотчас же вытекла из меня. Однако я заявила:

- Почему ты не прикажешь себе оставаться здесь?

Я не могла поверить, что сказала именно так. Я была готова извиниться, когда странный запас энергии влился в мое тело и я почувствовала себя почти под контролем.

- Поступай, как знаешь, - сказала женщина и встала, выпрямившись. Ее рост был невообразимым. Она росла и росла, пока ее колени не оказались на уровне моих глаз.

В этот миг я почувствовала, что моя энергия оставляет меня, и я испустила серию диких пронзительных воплей.

Канделярия бегом спешила ко мне. Прежде чем я успела вдохнуть воздух и закричать снова, она проскочила расстояние между комнатой, где проходила встреча спиритов, и патио.

- Уже все в порядке, - повторяла она ласковым голосом, но я не могла

остановить судорог, сотрясавших мое тело. А затем, не желая того, я расплакалась.

- Я не должна была оставлять тебя наедине, - сказала она извиняющимся тоном. - но кто бы подумал, что Музия сможет увидеть ее?

Прежде, чем другие участники встречи вышли посмотреть, что случилось, Канделярия увела меня на кухню. Она помогла мне сесть и дала стакан рома. Я пила и рассказывала ей о том, что произошло в патио. В тот момент, когда я закончила и ром, и свой отчет, я почувствовала себя сонной, отвлеченной, но вовсе не пьяной.

- Оставь нас одних, Канделярия, - сказала донья Мерседес, входя в мою комнату. Канделярия уложила меня в постель, застелив кровать и для себя, чтобы быть здесь, когда я проснусь.

- Я не знаю, что говорить об этом, - начала донья Мерседес после долгого молчания, - но ты - медиум. Я знала это с самого начала. - ее лихорадочные глаза, казалось, были подвешены в прозрачной субстанции, она внимательно изучала мое лицо.

- Единственный смысл того, что они позволили тебе присутствовать на сеансе, заключается в том, что ты везучая. Медиумы везучие.

Несмотря на свои опасения, я рассмеялась.

- Это не смешно, - сказала она предостерегающе. - это очень серьезно. В патио ты вызвала дух без чьей-либо помощи. И самый значительный дух, душа одного из моих предков пришла к тебе. Она приходит очень редко, но если приходит, это исполнено глубоким смыслом.

- Она - призрак? - спросила я наивно.

- Конечно, она была призраком, - убежденно сказала она. - мы понимаем вещи так, как тому научены. И здесь нет отклонения от правил. Мое убеждение таково, что ты видела самого устрашающего духа, и что живой медиум может общаться с душой мертвого медиума.

- Почему этот дух пришел ко мне? - спросила я.

- Не знаю. Однажды она пришла ко мне, чтобы предупредить меня, - ответила она, - но я не последовала ее совету. - ее глаза потеплели, а голос смягчился, когда она произнесла: - первое, что я сказала тебе, когда ты приехала, было то, что тебе повезло. Я тоже была везучей, пока кое-кто не погубил мое счастье. Ты напоминаешь мне этого человека. Он был блондин, как и ты. Его звали федерико, и он тоже был везучим, но не имел никакой силы. Дух посоветовал мне оставить его одного. Я не сделала так и поплатилась за это.

Не зная, как отвести внезапный поворот событий или печаль, нашедшую на нее, я положила руку на ее плечо.

- У него не было никаких сил, - повторила она. - дух знал это.

Хотя Мерседес Перальта всегда была готова обсуждать все, что угодно, лишь бы это не относилось к ее практике, она довольно настойчиво уклонялась от моих расспросов о ее прошлом. Однажды, и я не знаю, застала ли я ее врасплох или это было преднамеренное движение в ее игре, она открыла, что много лет назад пережила огромную потерю.

Прежде, чем я смогла решить, действительно ли она поощряет меня задать несколько личных вопросов, она поднесла мою руку к своему лицу и прижала ее к щеке.

- Почувствуй этот рубец, - прошептала она.

- Что с тобой случилось? - спросила я, проведя пальцами по неровному шраму, проходящему по ее щеке и шее. Пока я не касалась его, шрам был неотличим от морщин. Ее темная кожа была так хрупка и я боялась, что она может развалиться в моей руке. Таинственная вибрация исходила из всего ее тела. Я не могла отвести своего взгляда от ее глаз.

- Мы не будем говорить о том, что ты видела в патио, - твердо сказала она. - вещи, подобные этой, относятся только к миру медиумов, а ты не должна обсуждать этот мир ни с кем. Я могу, конечно, посоветовать тебе не пугаться этого духа, но не надо глупо манить ее к себе.

Она помогла мне подняться с постели и повела на то самое место, где я увидела женщину. Когда я остановилась и начала рассматривать темноту

вокруг нас, я осознала, что не имею понятия, спала ли я несколько часов или всю ночь и день.

Донья Мерседес, казалось, поняла мое смущение.

- Сейчас четыре часа утра, - сказала она. - ты спала почти пять часов.

Она присела там, где была женщина. Я тоже устроилась на корточках рядом с ней, между пучками жасмина, развешенными на деревянной решетке, своеобразной пахучей занавеси.

- Мне и в голову не приходило, что ты не знаешь, как курить, - сказала она и засмеялась своим сухим скрипучим смехом. Она сунула руку во внутренний карман юбки, вытащила оттуда сигару и прикурила ее.

- На встрече спиритов мы курили такие же сигары. Спириты знают, что запах табака ублажает духов. - после небольшой паузы она вложила зажженную сигару в мои губы. - попробуй покурить, - приказала она.

Я затаилась, глубоко вдохнув в себя. Крепкий дым вызвал кашель.

- Не затягивайся, - сказала она с нетерпением. - дай я покажу, как надо. - она достала сигару и запыхтела ею, вдыхая и выдыхая, постепенно укорачивая затяжки. - не надо курить легкими, кури своей головой, - объяснила она. - таким способом медиум вызывает духов. С сегодняшнего дня ты будешь вызывать духов на этом месте. И не рассказывай никому, пока сама не сможешь проводить встречи спиритов.

- Но я не хочу вызывать духов, - весело запротестовала я. - я хотела лишь присутствовать на одной из встреч и наблюдать за ее ходом.

Она посмотрела на меня с угрожающей решительностью.

- Ты медиум, а медиумы на встречах не наблюдают.

- Какой смысл во встречах? - спросила я, меняя тему.

- Смысл в том, чтобы задавать вопросы духам, - немедленно отозвалась она. - некоторые духи дают прекрасные советы. Другие бывают очень злобными. - она тихо засмеялась с легкой злостью. - какой появится дух, зависит от состояния жизни медиума.

- И тогда медиумы оказываются во власти духов? - спросила я.

Она надолго замолчала, глядя на меня. Ее лицо не выдавало никаких чувств. Затем вызывающим тоном она сказала:

- Их нет, если ты сильна.

Она продолжала пристально смотреть на меня лютым взглядом, затем закрыла глаза. Когда она открыла их снова, они были лишены какого-либо выражения.

- Помоги мне пройти в мою комнату, - прошептала она. Опираясь на мою голову, она выпрямилась. Ее рука скользнула ниже моего плеча, по рукаву, твердые пальцы обвилились вокруг моего запястья, словно обугленные корни.

Мы молча пробрели по темному коридору, где деревянные скамьи и стулья, покрытые козлиными шкурами, выстроились у стены. Она переступила порог своей спальни. Прежде, чем закрыть дверь, она еще раз напомнила мне, что медиумы не должны рассказывать о своем мире.

- В тот миг, когда я увидела тебя на площади, я поняла, что ты медиум и что ты придешь повидаться со мной, - заявила она. Улыбка, смысл которой я не поняла, исказила ее лицо. - Ты пришла, чтобы принести мне что-то из моего прошлого.

- Что?

- Я не вполне уверена. Воспоминания, наверное, - сказала она неопределенно. - или, возможно, ты возвратишь мне мое старое везение. - она провела рукой по моей щеке и тихо закрыла дверь.

Убаюкиваемая мягким ветерком и смехом детей, резвящихся на улице, я продремала весь день в гамаке, натянутом между двух деревьев. Я даже перестала ощущать аромат стирального порошка, смешанного с едким запахом

креозола, которым Канделярия натирала каждый день полы, не считаясь с тем, грязные они или нет.

Я ожидала почти до шести часов. Затем, как просила Мерседес Перальта, я подошла к ее спальне и постучала. Никто не отвечал. Я тихо вошла в комнату. Обычно в это время она заканчивала прием пациентов, которые приходили к ней лечиться. Она никогда не принимала более двух посетителей в день. В свои плохие дни, которые были довольно часто, она вообще никого не принимала. На этот раз я хотела прокатить ее на своем джипе и прогуляться с ней по окрестным холмам.

- Это ты, Музия? - спросила донья Мерседес, вытягиваясь в своем низко подвешенном гамаке, закрепленном на металлических кольцах, вбитых в стены.

Я поздоровалась с ней и села на вторую кровать у окна. Она никогда не спала на ней. По ее словам, из этой кровати, несмотря на ее большие размеры, кто-то совершил фатальное падение. Ожидая, пока она встанет, я осматривала эту странно обставленную комнату, которая никогда не приводила меня в восторг. Вещи здесь были расставлены, по-видимому, с целеустремленным несоответствием. Два ночных столика у изголовья и основания кровати были завалены свечами и статуэтками святых и служили алтарями. Низкий деревянный платяной шкаф был выкрашен в голубой и розовый цвета. Он загораживал дверь, которая выходила на улицу. Я удивилась, что одежда доньи Мерседес - она никогда не носила ничего, кроме черного - висела повсюду, на крючках, на стене, за дверью, у изголовья и в ногах железной кровати, и даже на веревках, поддерживающих гамак. Хрустальная люстра, которая не работала, ненадежно болталась под потолком, сплетенным из тростника. Люстра была серой от пыли, и пауки оплели паутиной ее граненные призмы. На дверях висел отрывной календарь.

Скрестив пальцы на копне седых волос, Мерседес Перальта глубоко вздохнула и, спустив с гамака ноги, нашарила ими матерчатые сандалии. Она секунду посидела, затем подошла к высокому и узкому окну, выходящему на улицу, и открыла деревянную ставню. Она часто заморгала, пока ее глаза не приспособились к вечерним лучам, освещавшим ее комнату. Она внимательно посмотрела на небо, словно ожидая от заходящего солнца какое-то послание.

- Мы пойдем на прогулку? - спросила я.

Она медленно обернулась.

- На прогулку? - переспросила она, удивленно вскинув свои брови. - как мы можем идти гулять, когда меня ожидает какой-то человек.

Я раскрыла рот, уже готовясь сообщить ей, что к нам никто не приходил, но насмешливое выражение в ее усталых глазах вынудило меня замолчать. Она взяла меня за руку и мы вышли из комнаты.

На деревянной скамье у входа в комнату, где Мерседес Перальта лечила людей, приходящих за помощью, прижав подбородок к груди, дремал слабый и старый на вид мужчина. Почувствовав наше присутствие, он выпрямился.

- Я плохо себя чувствую, - сказал он слабым невыразительным голосом, взяв в руки свою соломенную шляпу и трость, лежащую рядом.

- Октавио Канту, - сказала Мерседес Перальта, предварительно пожав ему руку. Она подвела его к двум ступенькам в комнату. Я следовала за ними по пятам. Он обернулся и посмотрел на меня вопросительным взглядом.

- Она помогает мне, - сказала она. - но если ты не хочешь, чтобы она была с нами, она уйдет.

Он остановился на мгновение, нервно постукивая ногой. Его рот дважды кривился в улыбке.

- Если она будет помогать тебе, - прошептал он с трогательной беспомощностью, - я полагаю, что все будет хорошо.

Быстрым движением своей головы Мерседес Перальта указала мне на мой табурет у алтаря, затем помогла старику сесть на стул прямо перед высоким прямоугольным столом. Она присела справа от него, лицом к нему.

- Где же он может быть? - несколько раз пробормотала она, перебирая груды банок, свечей и сигар, сухих корней и обрезков ткани, разбросанных на столе. Она вздохнула с облегчением, найдя свой морской компас, который тотчас положила перед Октавио Канту. Ее взгляд пристально изучал круглую

металлическую коробочку.

- Взгляни на это! - воскликнула она, подзывая меня подойти поближе.

Это был тот самый компас, на который она смотрела в первый день моего прихода. Стрелка, еле различимая сквозь матовое, сильно поцарапанное стекло, энергично двигалась взад и вперед, как бы одушевляемая какой-то невидимой силой, исходящей от Октавио Канту.

Мерседес Перальта использовала компас, как диагностический прибор только тогда, когда считала, что человек страдает скорее от душевного недуга, чем от естественной болезни. До сих пор я не могла определить, каким критерием пользуется она для различения этих двух видов болезней. По ее словам, душевный недуг мог проявить себя в форме ряда неудач или холода во всем теле, который в зависимости от обстоятельств мог определяться и как естественное заболевание.

Ожидая найти какое-то механическое приспособление, активизирующее стрелку, я на всякий случай изучила компас. И поскольку там ничего подобного не оказалось, я приняла ее объяснение за бесспорную истину: когда человек уравновешен, т.е. когда тело, ум и душа находятся в гармонии, стрелка не двигается вообще. Доказывая свое мнение, она поочередно положила компас напротив себя, Канделярии и меня. К моему великому изумлению стрелка двигалась только тогда, когда компас был положен передо мной.

Октавио Канту, вытянув свою шею, близоруко шурился на инструмент.

- Я болен? - тихо спросил он, взглянув на донью Мерседес.

- Это твоя душа, - прошептала она. - твоя душа в великом смятении.

Она положила компас в стеклянный буфет, затем встала рядом со стариком и опустила обе руки ему на голову. Она оставалась в таком положении довольно долго, затем быстрыми, уверенными движениями провела пальцами по его плечам и рукам, быстро встала напротив него, ее руки счищали что-то вниз с его груди, ног, ступней. Она читала молитву, которая частично была церковным напевом, а частично заклинанием. По ее словам, любой хороший целитель знает, что католицизм и спиритуализм дополняют друг друга. Она поочередно массировала его спину и грудь в течение получаса. Давая минутный отдых уставшим рукам, она периодически встряхивала их энергично позади его спины. Она называла это сбрасыванием накопленной отрицательной энергии.

Отмечая конец первой части своего лечения, она топнула три раза о пол правой ногой. Октавио Канту непроизвольно вздрогнул. Она держала его голову сзади, сдавливая ладонями его виски, пока его дыхание не стало медленным и трудным. Бормоча молитву, она двинулась к алтарю, зажгла свечу, а затем и сигару, которую начала курить быстрыми ритмичными затяжками.

- Я должен рассказать это сейчас, - сказал старик, нарушая дымное безмолвие.

Напуганная его голосом, она начала кашлять до тех пор, пока слезы не покатались по ее щекам. Я забеспокоилась - не подавилась ли она дымом.

Октавио Канту, не обращая внимания на ее кашель, продолжал говорить:

- Я рассказывал тебе уже много раз, что трезвый я или пьяный, мне снится один и тот же сон. Я нахожусь в своей лачуге. Она пустая. Я чувствую сквозняк и вижу тени, снующие повсюду. Но при этом нет более собак, лающих на пустоту и на тени. Я просыпаюсь от ужасного давления, словно кто-то уселся на мою грудь; а когда я открываю глаза, я вижу желтые зрачки собаки. Они открываются все шире и шире, пока не поглощают меня...

Его голос угас. Задыхнувшись, он блуждал взглядом по комнате. Казалось, что ему не совсем понятно, где он находится.

Мерседес Перальта бросила окурок на пол. Схватив сзади его стул, она быстро крутнула его так, что он оказался лицом к алтарю. Медленными гипнотическими движениями она начала массировать область вокруг его глаз.

Я, должно быть, задремала, так как обнаружила себя в одиночестве в пустой комнате. Я быстро огляделась. Свеча на алтаре почти сторела. Вправо надо мной в углу, ближе к потолку, сидел мотылек величиной с небольшую

птицу. У него были большие черные круги на крыльях, они пристально смотрели на меня любопытным взглядом.

Внезапный шорох заставил меня обернуться. У алтаря на своем стуле сидела Мерседес Перальта. Я приглушенно вскрикнула. Ее не было здесь минутой раньше, я могла присягнуть в этом.

- Я не знала, что ты здесь, - сказала я. - посмотри на этого большого мотылька над моей головой.

Я поискала глазами насекомое, но оно улетело.

В том, как она смотрела на меня, было нечто такое, что заставило меня содрогнуться.

- Я устала сидеть и заснула, - объяснила я. - и даже не узнала, что было с Октавио Канту.

- Он иногда приходит повидаться со мной, - сказала она. - я нужна ему, как спиритуалист и лекарь. Я облегчаю бремя, взваленное на его душу. - она повернулась к алтарю и зажгла три свечи. В мерцающем блеске ее глаз был цвет крыльев мотылька. - иди-ка ты лучше спать, - предложила она.

6

Когда я проснулась снова, я быстро оделась и выбежала в темный коридор. Вспомнив о скрипучих петлях, я аккуратно открыла дверь в комнату Мерседес Перальты и на цыпочках подошла к гамаку.

- Ты не спишь? - прошептала я, отводя марлю противомоскитной сетки. - ты все еще хочешь идти на прогулку?

Ее глаза медленно открылись, но она еще не проснулась и продолжала безмятежно всматриваться вперед.

- Я пойду, - наконец сказала она хрипло, полностью отбросив сетку. Прочистив горло и сплюнув в ведро на полу, она как бы наперекор себе прошептала: - я рада, что ты вспомнила о нашей прогулке.

Закрыв глаза и сложив руки, она помолилась деве и святым на небесах, индивидуально поблагодарив каждого из них за руководство в помощи тем людям, которых она лечила, а затем попросила у них прощения.

- Почему ты просишь прощения? - спросила я сразу же, как только она закончила свою длинную молитву.

- Взгляни на линии моих ладоней, - сказала она, положив свои руки мне на колени.

Указательным пальцем я очертила ясно выраженные "у" и "м", которые, казалось, были отштампованы на ее руках: "у" - на левой ладони, "м" - на правой.

- "у" означает вида, жизнь. "м" означает муэртэ, смерть, - объяснила она, произнося слова с преднамеренной выразительностью. - я была рождена с силой лечить и причинять вред.

Она подняла руки с колен и помахала в воздухе, будто собираясь стереть слова, которые произнесла. Она оглядела комнату, затем осторожно опустила свои худые ноги и сунула их в сапожки с дырами для пальцев. Ее глаза мерцали забавой, когда она расправляла черную блузу, и юбку, в которой спала.

Держась за мою руку, она вывела меня из комнаты.

- Разрешите мне показать тебе кое-что, прежде чем мы отправимся на прогулку, - сказала она, направляясь в рабочую комнату. Она повернулась к массивному алтарю, который был целиком сделан из расплавленного воска. Все началось с одной свечи, объяснила она, ее пра-пра-бабушки, которая тоже была знахаркой.

Она нежно провела рукой по блестящей, почти прозрачной поверхности.

- Найди черный воск среди этих разноцветных полос, - подгоняла она меня. - это знаки того, что ведьмы жгли черные свечи, используя для вреда свою силу.

Бесчисленные полоски черного воска сбегали в цветастую кайму.

- Те, что поближе к верхней части - мои, - сказала она. Ее глаза блеснули странной свирепостью, когда она добавила: - истинная целительница является еще и ведьмой.

Проблеск улыбки мелькнул на ее губах, затем она продолжала рассказывать о том, что имя ее хорошо известно не только по всей области, но и людям, приходящим из Каракаса, Маракайбы, Мерида и Кумана. О ней ходят слухи за границей: в Тринидаде, Кубе, Колумбии, Бразилии и Гаити. У нее собраны фотографии, свидетельствующие, что среди этих людей были главы государств, послы и даже епископы.

Она загадочно взглянула на меня, а затем пожала плечами.

- Моя удача и моя сила были одно время бесподобными, - сказала она. - я растранижирила и то и другое, и сейчас могу только лечить. - ее усмешка усилилась, а глаза загадочно заблестели. - как продвигается твой труд? - спросила она с невинным любопытством ребенка. Но прежде, чем я отважилась на внезапную перемену темы, она продолжила: - сколько бы целителей и пациентов ты ни опросила, ты никогда не будешь изучать этот путь. Настоящая целительница должна быть сначала медиумом и спиритом, а затем ведьмой.

Ее ослепительная улыбка расцвела на ее лице.

- Не расстраивайся слишком, если в один из этих дней я сожгу твои исписанные блокноты, - сказала она небрежно. - со всей этой чепухой ты тратишь зря время.

Я забеспокоилась. Мне не очень понравилась перспектива увидеть свой труд горящим в пламени.

- Ты знаешь, что действительно достойно интереса? - спросила она и тут же ответила на свой вопрос. - результаты, которые идут дальше поверхностных аспектов лечения. Вещи, которые нельзя объяснить, но можно испытать. Здесь достаточно людей, изучавших знахарство. Они думали, что, наблюдая и записывая, можно понять то, чем занимаются медиумы, ведьмы и целители. Поскольку их невозможно разубедить, чаще бывает легче оставить их в покое - пусть делают, что хотят.

Но этого нельзя допустить в твоем случае, - продолжила она. - я не могу позволить тебе впустую тратить время. Вместо того, чтобы изучать знахарство, ты должна практиковать вызовы духа моего предка по ночам в патио этого дома. Не делай записей об этом, духи ценят время, затраченное на другое. Ты же видела. Заключать сделку с духами - значит закапывать себя под землю.

Воспоминания о женщине, которую я видела в патио, ужасно взволновали меня. Мне захотелось бросить все мои поиски, забыть о планах Флоринды и бежать отсюда, сломя голову.

Внезапно донья Мерседес рассмеялась; этот ясный взрыв смеха рассеял мои страхи.

- Музика, видела бы ты свое лицо, - сказала она. - ты была почти в обмороке. Среди прочего, ты еще и трусишка.

Несмотря на ее насмешливый тон, в ее улыбке чувствовалась симпатия и ласка.

- Я не могу принуждать тебя. Поэтому я дам тебе что-то такое, что понравится тебе - нечто более ценное, чем твои исследовательские планы. Присмотришься к жизни некоторых людей, на которых я укажу тебе. Я сделаю так, что они будут рассказывать тебе. Рассказы о судьбе. Рассказы об удаче. Рассказы о любви. - она придвинула свое лицо поближе ко мне и мягким шепотом добавила: - рассказы о силе и рассказы о слабости. Это будет дар тебе, данный, чтобы умиловить тебя. - она взяла мою руку и вывела меня из комнаты. - идем на нашу прогулку.

Наши шаги гулко отозвались эхом на тихой, пустынной улице с высокими бетонными тротуарами. Проходя мимо сонных домов, Мерседес Перальта заметила, что во времена, когда она была юной знахаркой, ее дом - самый большой на улице - уединенно стоял на окраине.

- Но сейчас, - сказала она, очертив широким жестом руки полукруг, - кажется, я живу в центре города.

Мы свернули на центральную улицу и дошли до рыночной площади, там присели на скамью лицом к статуе боливару на коне. По одну сторону площади высилось здание муниципалитета, на другой стороне стояла церковь с колокольной. Большую часть старых домов снесли, заменив их современными строениями. Однако там, где старые здания еще уцелели, с их коваными чугунными решетками, с красной черепицей на крышах, серых от времени, с широкими карнизами, которые позволяли дождевой воде свободно стекать подальше от ярко окрашенных стен, – они придавали центру города своеобразный колониальный шарм.

– Этот город здорово изменился с тех пор, как на башне ратуши починили часы, – задумчиво сказала она.

Она объяснила, что давным-давно, как бы в отместку за приход прогресса, башенные часы вдруг остановились на двенадцатичасовой отметке. Местный фармацевт, увидев это, починил их и, словно по мановению волшебной палочки, улицы уставили фонарными столбами, а на площади устроили фонтаны, чтобы газоны оставались зелеными круглый год. Раньше каждый знал, что было событие, повсеместно изменившее индустриальные центры.

Она на секунду остановилась, переводя дыхание, затем указала на застроенные лачугами холмы, окружавшие город.

– Вот так хижинки переселенцев создавали город, – добавила она.

Мы встали и пошли в конец центральной улицы, туда, где начинались холмы. Лачуги, сделанные из гофрированных металлических листов, упаковочных ящиков и листов картона, едва держались на крутых склонах. Владельцы хибарок, выходящих поближе к городским улицам, нахально крали электричество от фонарных столбов. Изолированные провода были примитивно замаскированы цветными лентами. Мы свернули с улицы в переулок и наконец пошли узкой тропинкой, извилисто ведущей к одинокому холму, на который переселенцы еще не претендовали.

В воздухе, все еще сыром от ночной росы, пахло диким розмарином. Мы взобрались почти на вершину холма, к одиноко растущему дереву, и там уселись на сырую землю, покрытую мелкими молодыми маргаритками.

– Ты слышишь море? – спросила Мерседес Перальта.

Легкий ветерок резвился в кудлатой кроне дерева, разбрасывая россыпь мелких золотых цветов. Они, словно бабочки, кружась, опускались на ее волосы и плечи. Ее лицо было залито безмятежным спокойствием. Она слегка раскрыла рот, обнажив несколько зубов, желтых от табака и возраста.

– Ты слышишь море? – повторила она, скосив на меня сонные, слегка затуманенные глаза.

Я сказала ей, что море слишком далеко, за горами.

– Я знаю, что море далеко, – тихо сказала она. – но в этот ранний час, когда город еще спит, я всегда слышу шум волн, гонимых ветром. – закрыв свои глаза, она прислонилась к стволу дерева.

Утреннюю тишину развеял рев грузовика, мчащегося вниз по узкой улочке. Я не поняла, был ли это португальский пекарь, доставлявший свои свежее выпеченные булочки, или полиция, подбиравшая последних пьяниц.

– Посмотри, кто это, – подбодрила она меня.

Я спустилась на несколько шагов вниз по тропинке и увидела старика, выходящего из зеленого грузовика, который остановился у подножия холма. Его пиджак свободно болтался на сутулых плечах, а голову скрывала соломенная шляпа. Почувствовав, что на него смотрят, он поднял глаза и помахал своей тросточкой, приветствуя меня. Я помахала ему в ответ.

– Это старик, которого ты лечила прошлой ночью, – сказала я ей.

– Вот же везет! – прошептала она. – позови его. Скажи ему, чтобы он шел сюда. Скажи ему, что я хочу его видеть. Мой дар тебе начинается.

Я сбегала вниз, туда, где остановился его грузовик, и попросила старика подняться вместе со мной на холм. Он без слов последовал за мной.

– Сегодня собак не было, – сказал он Мерседес Перальте вместо приветствия и сел рядом с ней.

– Я открою тебе тайну, Музия, – сказала она, жестом пригласив меня сесть напротив. – я – медиум, ведьма и целитель. Из этой троицы мне по

нраву второе, так как ведьма имеет особый способ понимания таинств судьбы. Почему так случается, что некоторые люди становятся богатыми, удачливыми и счастливыми, когда другие находят только трудности и боль? Что бы ни означали эти вещи – это не то, что ты называешь судьбой; она – нечто большее, более таинственное, чем это. И только ведьмы знают о ней.

Ее черты лица на секунду напряглись с выражением, которое я не уловила, так как она повернулась к Октавио Канту.

– Некоторые люди говорят, что мы рождаемся с нашей судьбой. Другие утверждают, что мы создаем нашу судьбу своими поступками. Ведьмы говорят, что ни то, ни другое не верно, и что нечто большее настигает нас, подобно бульдожьей хватке. Тайна будет здесь, если мы захотим быть схваченными. Но ее здесь не будет, если мы этого не захотим.

Ее взгляд ласкал восточное небо, где над далекими горами поднималось солнце. Минуту спустя она вновь повернулась к старику. Ее глаза, казалось, поглотили сияние солнца и блестели, горя огнем.

– Октавио Канту будет приходиться к нам лечиться, – сказала она. – может быть мало-помалу он расскажет тебе свой рассказ. Рассказ о том, как случай связывает жизни, о том, что только ведьмы знают, как закрепить их в один узел.

Октавио Канту кивнул в знак согласия. Робкая улыбка расползлась по его губам. Редкая бородка на его подбородке была такой же седой, как и волосы, торчащие из-под соломенной шляпы.

Октавио Канту приходил в дом доньи Мерседес восемь раз. По-видимому, она периодически лечила его с того времени, когда он был еще молодым. Вдобавок к своей старости и дряхлости, он был к тому же алкоголиком. Однако, донья Мерседес подчеркивала, что все его болезни были душевными. Он нуждался в заклинаниях, а не в медицине.

Сперва он неохотно беседовал со мной, но затем, возможно, почувствовав себя более уверенно, начал раскрываться. Мы часами обсуждали его жизнь. В начале каждой беседы он, казалось, был подавлен отчаянием, одиночеством и подозрительностью. Он допытывался, зачем я интересуюсь его жизнью. Но надо отметить, что он всегда сдерживал себя и, восстановив свой апломб, остаток беседы – час или целый день – рассказывал о себе искренне и раскованно, словно о совершенно другом человеке.

Октавио откинул в сторону кусок картона и пробрался через небольшое двероподобное отверстие внутрь лачуги. Здесь света почти не было, а едкий дым огня в каменном очаге вышибал из глаз слезы. Октавио сильно зажмурился и побрел в темноте на ощупь. Споткнувшись о какие-то жестянки, он сильно ударился головой о деревянный ящик.

– Будь проклято это вонючее место, – выругался он на одном дыхании. Октавио присел на миг на утрамбованный земляной пол и потер ногу. В дальнем углу этой жалкой хибары он увидел старика, спавшего на потрепанном заднем сидении, снятом с автомашины. Медленно, обходя ящики, веревки, тряпье и коробки, разбросанные на земле, он побрел туда, где лежал старик.

Октавио чиркнул спичкой. При тусклом свете спящий мужчина выглядел мертвым. При вдохе и выдохе его грудь двигалась так слабо, что казалось, будто он вообще не дышит. Выпирающие скулы буквально торчали на его черном истощенном лице. Его рваные грязные брюки были подвернуты до икр, а рубашка цвета хаки, с длинными рукавами, плотно облегла его морщинистую шею.

– Виктор Джулио! – воскликнул Октавио, энергично встряхивая старика. – проснись!

Сморщенные веки Виктора Джулио с трепетом открылись на миг, оголив бесцветные белки его глаз.

– Проснись! – заорал Октавио в полном отчаянии. Он схватил узкополую соломенную шляпу, лежавшую на земле, и с силой надел ее на растрепанные седые волосы старика.

– Что ты за дьявол? – заворчал Виктор Джулио. – чего тебе надо?

- Это я, Октавио Канту. Я назначен мэром твоим помощником, - объяснил он с важным видом.

- Помощником? - старик, шатаясь, поднялся на ноги. - мне не нужен помощник. - он напялил свои потрепанные, незашнурованные ботинки и начал бродить кругами по темной комнате, пока, наконец, не нашел бензиновый фонарь. Он зажег его, затем потер глаза и часто заморгал, внимательно рассматривая молодого человека.

Октавио Канту был среднего роста, с сильными бицепсами, выпиравшими сквозь расстегнутый выцветший синий жакет. Его брюки, которые казались слишком велики ему, мешковато обвисали на его новые лакированные туфли. Виктор Джулио тихо засмеялся, спросив, не думает ли Октавио обворовать его.

- Так ты, значит, новый человек, - сказал он скрипучим голосом, пытаясь определить цвет глаз Октавио, затемненных красной бейсбольной кепочкой. Это были летающие глаза цвета влажной земли. Виктор Джулио определенно заподозрил в чем-то молодого человека.

- Я никогда не видел тебя здесь прежде, - сказал он. - откуда ты взялся.

- Из Парагваны, - резко ответил Октавио. - здесь я временно. Я встречал тебя несколько раз на площади.

- Из Парагваны, - сонно повторил старик. - я видел песчаные дюны Парагваны. - он встряхнул головой и резким голосом осведомился: - что ты намерен делать в этом богом забытом месте? Разве ты не знаешь, что у этой дыры нет будущего? Ты просто прикинь, куда переселяется молодежь.

- Все меняется, - заявил Октавио, усердно уклоняясь от разговора о себе. - этот городок вырастет. Иностранцы скупают здесь кофейные плантации и поля сахарного тростника. Они построят здесь заводы и фабрики. Народ валом повалит в этот город. Люди придут сюда, чтобы разбогатеть.

Виктор Джулио скорчился от смеха. - заводы не для таких, как мы. Если ты застрянешь здесь слишком надолго, то кончишь подобно мне. - он положил руку на плечо Октавио. - я знаю, почему ты забрался так далеко от Парагваны. Ты бежишь от чего-то? - спросил он, пристально разглядывая беспокойные глаза молодого человека.

- А что, если так? - неловко уклонился Октавио. Он знал, что не скажет ему ничего. Никто не знал о нем в этом городе. Но что-то в глазах старика тревожило его. - дома у меня было несколько неприятностей, - пробормотал он уклончиво.

Виктор Джулио прошел шаркающей походкой к отверстию в хижине, снял джутовый мешок, висевший на ржавом гвозде, и вытянул оттуда бутылку дешевого рома. Его руки, переплетенные вздутыми венами, непроизвольно тряслись, когда он отвинчивал крышку бутылки. Не обращая внимания на то, что янтарная жидкость струится вниз по его тощей бороде, он несколько раз глотнул.

- Нам надо многое сделать, - сказал Октавио. - лучше собирайся и пойдем.

Я был молод, как и ты, когда другой мэр назначил меня помощником к одному старику, - вспомнил Виктор Джулио. - ах, как я был силен и усерден в труде. Но взгляни на меня сейчас. Даже ром уже не может согреть мое горло. - опустившись на землю, Виктор Джулио искал свою походную трость. - эта палка принадлежала тому старику. Он дал мне ее перед своей смертью. - он протянул Октавио темную, прекрасно отполированную трость. - она сделана из твердого дерева, растущего в джунглях амазонки. Ее даже нельзя сломать.

Октавио мельком взглянул на трость, а затем спросил с нетерпением: - что толку в этой болтовне? Или нам больше нечем заняться?

Старик усмехнулся. - мясо замочено уже вчера. Сейчас оно должно быть готово. Оно на улице, позади лачуги, в стальном баке.

- Покажи мне, что надо делать с мясом? - попросил Октавио.

Виктор Джулио засмеялся. У него не было передних зубов, а оставшиеся желтые коренные зубы выглядели, словно два столбика в дыре его рта. - здесь и в самом деле нечего показывать, - сказал он сквозь взвизгивающий

хохот. - я просто захожу к фармацевту, когда надо приготовить мясо. Он поливает мясо чем-то похожим на маринад. Фактически, - объяснял он, - ничего сложного в этом нет. - его рот расплылся в широкой ухмылке. - я всегда беру мясо из скотобойни, которая нравится мэру. - он сделал долгий глоток из бутылки. - ром помогает мне войти в норму. - он почесал свой подбородок. - собаки настигнут меня в один из этих дней, - прошептал он со вздохом и вручил полупустую бутылку Октавио. - ты лучше хлебни немного.

- Нет, спасибо, - вежливо отозвался Октавио. - я не могу пить на пустой желудок.

Виктор Джулио раскрыл свой рот, готовясь сказать что-то. Но вместо этого он поднял дорожную трость и джутовый мешок, пригласив Октавио следовать за ним. Увлеченный чем-то, он на миг остановился и взглянул на небо. Оно было ни темным, ни светлым, но каким-то необычно и угнетающе серым, что бывает иногда перед рассветом. Вдали он услышал лай собаки. - мясо здесь, - сказал он, указывая подбородком на стальной бак, стоящий на деревянном обручке. Он передал Октавио свернутую веревку. - если ты подвяжешь на спину этот бак, тебе будет легче нести его.

Октавио со знанием дела обвязал веревку вокруг стального бака, поднял его на спину и, скрестив веревки на своей груди, прочно завязал не ниже пупка. - это все, что нужно? - спросил он, уклоняясь от взгляда старика.

- У меня в мешке есть еще несколько запасных веревок и канистра с керосином, - объяснил Виктор Джулио, снова отхлебнув глоток рома и небрежно засунув бутылку в карман.

След в след они зашагали сухим оврагом, который рассекал заросли тростника. Кругом стояла тишина, нарушаемая лишь трелями сверчков и ласковым ветерком, снующим между кинжальных отростков тростника. Виктор Джулио беспокойно вздохнул. У него болела грудь. Он чувствовал себя усталым. Ему хотелось лечь на твердую землю здесь, лежать... Его взгляд часто возвращался к лачуге, которая становилась все меньше и меньше. Предчувствие охватило его. Конец был близок. Он уже давно знал, что слишком стар и слаб для той работы, которую должен выполнять. Это был только вопрос времени, поэтому они прислали нового человека.

- Виктор Джулио, идем, - нетерпеливо закричал Октавио. - уже поздно.

Город тихо спал. Лишь несколько старых женщин толпилось у церкви. Покрыв свои головы черными платками, они прошли мимо двух мужчин, не отвечавших на их приветствия. На узких бетонных тротуарах, пытаясь найти защиту у безмолвных домов, перед закрытыми дверьми, свернувшись, лежали костлявые и ужасные на вид собаки.

По команде Виктора Джулио Октавио опускал стальной бак на землю и открывал тугую крышку. Пользуясь длинными деревянными щипцами, которые он вытащил из своего мешка, старик выбирал из бака большой кусок мяса и кидал его собаке. Таким образом он и Октавио медленно пересекли весь город, подкармливая каждую бездомную собаку, мимо которой они проходили. С жадностью, виляя хвостами, животные пожирали смертельную еду.

- Сожрут тебя в аду эти собаки, - закричала толстая старуха, закрывая за собой большую деревянную дверь старой католической церкви по другую сторону площади.

- Совсем спятила, - заорал в ответ Виктор Джулио, вытирая свой нос рукавом рубашки. - я думаю, из тебя мы в будущем приготовим хороший корм для собачек.

- Я насчитал семнадцать, - пожаловался Октавио, распрямляя заболевшую спину. - судьба дохлых псов оттягивает мои плечи.

- Что ж, взвалим на них еще одну, - сказал Виктор Джулио. Зловещая улыбка скривила его лицо. - здесь есть еще одна собака, которой не суждено найти смерть на улице.

- Что ты хочешь сказать? - спросил Октавио и развернул вокруг головы свою красную бейсбольную кепку, озадаченно вглядываясь в его лицо.

Глаза Виктора Джулио сузились, его зрачки блестели злыми огоньками.

Его худое старое тело дрожало от ожидания. – я сильно нервничаю. Сейчас я убью черного германа, пастушью собаку лавочника Лебанесы.

– Ты не сделаешь этого, – запротестовал Октавио. – это не бродячая собака. Она не больна. Ее хорошо кормят. Мэр говорил только о бездомных и больных собаках.

Виктор Джулио громко выругался и зло посмотрел на своего помощника. Он не сомневался, что это был его последний шанс воспользоваться ядом. Если не Октавио, так кто-то другой будет ведать уничтожением собак к концу текущего сезона. Он понимал, почему молодой человек не хочет причинять кому-то неприятности, но это же не его забота. Он жаждал смерти собаки Лебанесы с тех пор, как она покусала его. Это был последний шанс.

– Этого пса обучили для травли, – сказал Виктор Джулио. – каждый раз, вырвавшись, он кусает кого-то. Он искусал меня несколько месяцев тому назад. – старик оголил свою израненную ногу. – посмотри на шрам! – сердито ворчал он, растирая лиловое узловатое место на своей икре. – Лебанеса даже не побеспокоился отвести меня к доктору. Не знаю, кто из них бешеный, собака или ее хозяин.

– Все равно ты не убьешь собаку, – настаивал Октавио. – этот пес не уличный. У него есть владелец. – он умоляюще посмотрел на старика. – ты только наприсышься на неприятность.

– Кого это волнует? – воинственно огрызнулся Виктор Джулио. – я ненавижу это животное, и у меня не будет другой возможности убить его. – он бросил свой мешок на плечо. – пошли, идем же.

Октавио неохотно последовал за стариком. По узкому переулку они вышли на окраину города и остановились перед большим зеленым домом.

– Собака должна быть за домом, – сказал Виктор Джулио. – посмотрим.

Они пошли вдоль кирпичной стены, окружавшей задний двор. Но собаки здесь не было.

– Давай оставим это, – зашептал Октавио. – я уверен, что собака спит внутри дома.

– Она должна выйти, – сказал Виктор Джулио и заколотил тростью по стене.

Громкий лай расколочил утреннюю тишину. Старик возбужденно подпрыгнул, размахивая тростью в воздухе. – дай мне остатки мяса, – потребовал он.

Октавио снял веревку со своей груди и неохотно опустил стальной бак на землю. Старик вытащил деревянными щипцами последние куски мяса и бросил их через забор.

– Ты только послушай, как эта скотина глотает отраву, – весело болтал Виктор Джулио. – эта злобная тварь так же голодна, как и остальные.

– Пойдем быстрее отсюда, – зашептал Октавио, закидывая бак на спину.

– Не спеши, – рассмеялся старик. Чувство восторга охватило его, когда он нашел, на что встать.

– Идем, – настаивал Октавио. – нас могут заметить.

– Не смогут, – спокойно заверил Виктор Джулио, поднимаясь на шаткий деревянный ящик, приставленный к стене. Встав на цыпочки, он рассматривал беснующуюся собаку. Яростно лая и не жалея своего горла, животное разбрызгивало пену и кровь, пытаясь вырваться на свободу. Вот уже ноги перестали сгибаться. Пес свалился набок. Сильные судороги скрутили его тело.

Виктор Джулио задрожал. – как он тяжело умирал, – шептал он, спрыгнув с ящика. Он не чувствовал никакого удовольствия от того, что отравил собаку Лебанесы. Все эти годы, уничтожая собак, он всегда избегал смотреть на то, как они умирают. Он никогда не получал удовольствия, убивая бродячих дворняжек города. Это была только его работа, единственно доступная для него.

Смутный страх закрался в сердце Виктора Джулио. Он посмотрел на пустынную дорогу внизу. Затем, подогнув большой палец на левой руке, он положил между ним и запястьем свою трость. Держа руку вытянутой, он начал вращать трость взад и вперед так быстро, что казалось, будто трость подвесили в воздухе.

- Что это за фокус? - спросил Октавио, увлеченно наблюдая за ним.

- Это не фокус. Это искусство. Это единственное, что я делаю хорошо, - печально пояснил Виктор Джулио. - по утрам и после обеда я развлекаю маленьких детей на площади. Некоторые дети даже дружат со мной. - он передал трость Октавио. - попробуй. Посмотрим, сможешь ли повторить это.

Виктор Джулио взахлеб хохотал над неуклюжими попытками Октавио удержать трость так, как полагалось. - это требует долгих лет практики, - сказал старик. - надо развивать свой большой палец, оттягивая его назад, пока он не коснется запястья. И ты должен двигать рукой очень быстро, чтобы трость не имела времени упасть на землю.

Октавио вернул ему трость. - давай лучше поймем этих собак! - воскликнул он, удивленный внезапным появлением утреннего зарева и красочных пятен, возникших на восточном небе.

- Виктор Джулио, подожди меня, - закричал позади них ребенок.

Босая, с черными спутанными волосами, завязанными на затылке, шестилетняя девочка быстро догоняла мужчин. - посмотри, какую игрушку подарила мне тетя, - сказала она, позволив старику посмотреть на щенка, отцом которого был только что отравленный Герман. - я назвала ее бабочкой. Она очень похожа на бабочку, правда?

Виктор Джулио сел на бордюр. Маленькая девочка устроилась рядом с ним и положила ему на колени прелестного пухлого щенка. В смятении он пробежал пальцами вдоль черной и бледно-желтой шкурки.

- Покажи бабочке, как ты заставляешь танцевать свою палку, - попросила девочка.

Виктор Джулио опустил собаку и вытащил из кармана бутылку рома. Не переводя дыхания, он полностью осушил ее и бросил обратно в мешок. Старик с тоской оглядел радостное лицо ребенка. Скоро она вырастет, подумал он. Она не долго будет сидеть с ним под деревьями на площади и помогать ему наполнять мусорные баки тряпьем и хламом, веря в то, что ночью все это превратится в золото. Он задумался, будет ли она тоже кричать на него и издеваться над ним, как это делает большинство повзрослевших детей. Он сильно зажмурился. - пусть смотрит, если только палочка захочет танцевать, - прошептал он и встал, растирая свои скрипучие колени.

Словно околдованные, Октавио и ребенок уставились на трость. Казалось, она танцевала сама по себе, оживляемая не только быстрым и изящным движением рук Виктора Джулио, но также и ритмичным топотом его ног, его хриплым и все же мелодичным голосом, которым он пел детские стишки.

Октавио опустил бак и сел на него, восхищаясь мастерством старика. Виктор Джулио остановился на полуслове. Его трость упала на землю. С удивлением и ужасом он смотрел на щенка, лакавшего сок отравленного мяса, который тихо сочился из бака.

Девочка подняла трость и подала ее Виктору Джулио. - я никогда не видела, чтобы ты ронял ее, - заметила она с беспокойством. - палочка устала?

Виктор Джулио положил дрожащую руку на ее головку и нежно погладил ее челку. - я возьму бабочку на прогулку, - сказал он, - а ты возвращайся в кроватку, пока твоя мама не нашла тебя здесь. Встретимся попозже на площади. Мы снова будем вместе собирать будущие слитки золота. - он поднял пухлого щенка на руки и сделал знак Октавио следовать за ним по улице.

Бродячие собаки уже не лежали перед закрытыми дверьми, но раскинув свои негнушиеся лапы, они валялись посреди пыльных переулков и их остекляневшие глаза пристально и тупо смотрели в пространство. По одной Октавио связывал их веревкой, которую Виктор Джулио вытащил из своего мешка.

Бабочка, все ее тело конвульсивно тряслось, извергала струйку крови на брюки старика. Он с отчаянием встряхнул ее головку. - что я скажу малышке? - прошептал он, связывая отравленного щенка с другими животными.

Они сделали два обхода, а затем утащили мертвых собак за окраину города, за дом Лебанесы, за пустые поля, вниз по сухому ущелью. Виктор

Джулио прикрыл их грудой сухих веток, полил кучу керосином и поджег. Собаки горели медленно, наполняя воздух запахом паленого мяса и шерсти.

Едва переводя дух, с легкими, забитыми копотью и дымом, двое мужчин выбрались из ущелья. Не в силах дальше продолжать путь, они рухнули под тень цветущей красным цветом акации.

Старик растянулся на твердой земле, еще прохладной после ночи. Его руки тряслись. Он закрыл глаза и попробовал успокоить свое дыхание в надежде, что это развеет боль, стеснившую его грудь. Он мечтал о сне; о сне, в котором теряешь себя.

- Пожалуй, я уйду, - сказал Октавио спустя некоторое время. - буду делать какую-нибудь другую работу.

- Останься со мной, - попросил старик. - мне надо рассказать ребенку о собаке. - он сел и умоляюще взглянул на Октавио. - ты можешь помочь мне. Дети очень рано начинают бояться меня. Она одна из немногих, кто дружит со мной.

Ужасная пустота в голосе Виктора Джулио напугала Октавио. Он прислонился к стволу дерева и закрыл свои глаза. Он не мог больше видеть этот страх и отчаяние, отпечатанные на лице старика.

- Пойдем со мной на площадь. Пусть каждый узнает, что ты новый человек, - умоляюще просил Виктор Джулио.

- Я не останусь в этом городе, - грубо отрезал Октавио. - мне не нравится эта работа. Мне не нравится убивать собак.

- Вопрос не в том - нравится или не нравится, - заметил Виктор Джулио. - это вопрос судьбы. - он грустно улыбнулся, его взгляд скользнул в направлении города. - кто знает, может ты останешься здесь навеки, - прошептал он, снова закрыв свои глаза.

Тишину нарушил гул сердитых голосов. Внизу по дороге двигалась группа мальчишек под предводительством старшего сына Лебанесы. Они остановились в нескольких шагах от двух мужчин.

- Ты убил мою собаку, - зашипел сын Лебанесы и плюнул джюмом дальше ноги Виктора Джулио.

Опираясь на трость, старик поднялся на ноги.

- Почему ты так думаешь обо мне? - спросил он, пытаясь выиграть время. Его руки дрожали. Он нашарил в мешке бутылку рома и остолбенел от того, что она была пуста, не в силах вспомнить, когда же выпита последняя капля.

- Ты убил собаку, - повторял мальчик нараспев. - ты убил собаку. - проклиная и толкая его, мальчишки пытались вырвать его трость и джутовый мешок.

Виктор Джулио отступил назад. Размахивая своей тростью, он вслепую колотил насмешливых юнцов. - оставьте меня в покое! - закричал он дрожащими губами.

На мгновение напуганные его яростью, юнши притихли. Вдруг, словно только что заметив, что Виктор Джулио не один, они повернулись к Октавио. - кто ты? - кричал один из мальчишек, переводя взгляд от одного мужчины к другому, возможно оценивая результаты их обоюдного сговора. - ты со стариком? Ты его помощник?

Октавио не ответил. Взмахнув веревкой над своей головой, он защелкал ею перед собой, как хлыстом. Смеясь и вскрикивая, ребята пытались уклониться от прицельных ударов. Но когда некоторым из них веревка обожгла не только икры и бедра, но плечи и руки, они отступили назад. Они ринулись за Виктором Джулио, который тем временем убежал к ущелью, где еще догорали собаки.

Старик оглянулся. От ужаса у него расширились зрачки, мальчишки были почти за его спиной. Они не казались ему людьми; они напоминали ему свору лающих псов. Он попробовал бежать быстрее, но жгучая боль в груди тормозила движения.

Мальчишки, поднимая гальку, бросали ее в него, просто подшучивая над ним. Но когда сын Лебанесы потянулся за большим камнем, остальные ребята постарались превзойти друг друга - в ход пошли большие осколки породы.

Один из них попал Виктору Джулио в голову. Он зашатался. Глаза его ничего не видели, земля уплывала из-под ног. Старик покачнулся и свалился с обрыва.

Ветер донес из ущелья сдавленный крик. Запыхавшись, с лицами в полосу от пыли и пота, мальчики стояли, глядя друг на друга. Затем, словно по какому-то сигналу, они бросились в разные стороны.

Октавио сбежал вниз по крутому склону и опустился на колени перед неподвижным телом Виктора Джулио. Он сильно встряхнул его. Старик открыл глаза. Дыхание слабеющими вспышками выходило из него. Голос был слабым, приглушенным звуком. - я знал, что конец близок, но думал, что это конец моей работы. Мне и в голову не приходило, что все закончится таким образом. - его зрачки блеснули странно яркими красками. Он пристально взглянул в глаза своего помощника. Жизнь ушла.

Октавио безумно встряхнул его. - иисус! Он мертв! - Октавио перекрестился и поднял свое вспотевшее лицо к небу. Несмотря на ослепительное сияние солнца, бледная луна была отчетливо различима. Он хотел помолиться, но не мог вспомнить ни одной молитвы. Единственный образ засел в его мысли - множество собак преследовало старика по полям.

Октавио почувствовал в своих руках нарастающий холод, его тело начала бить дрожь. Можно снова убежать в другой город, подумал он. Но тогда они заподозрят его в убийстве Виктора Джулио. Лучше оставаться некоторое время в городе, пока все не прояснится, решил он.

Октавио наблюдал за мертвецом. Затем, поддавшись порыву, он поднял трость Виктора Джулио, лежавшую рядом. Он погладил ее и потер прекрасно вырезанный набалдашник о свою левую щеку. Он почувствовал, что она всегда принадлежала ему. Стало интересно, сможет ли он когда-нибудь воспроизвести танец трости.

7

Октавио Канту закончил свой последний сеанс лечения. Он взял свою шляпу и встал со стула. Я заметила, как сильно годы сдавили ему грудь и ослабили мышцы его рук. Облинявший пиджак и брюки на нем были на несколько размеров больше. Карман на правой стороне резко выпирал от большой бутылки рома.

- Вот так всегда, когда она заканчивает мое лечение, сон куда-то прячется, - прошептал он мне, продолжая смотреть своими ввалившимися бесцветными глазами на Мерседес Перальту. - сегодня я заболтался с тобой. Никак не могу понять, почему ты так интересуешься мной.

Широкая улыбка разгладила его лицо, когда он поместил свою походную трость между большим пальцем и запястьем. Его рука замелькала взад и вперед с таким поразительным мастерством, что трость, казалось, подвесили в воздухе. Ни слова не говоря, он вышел из комнаты.

- Донья Мерседес, - тихо вскрикнула я, поворачиваясь к ней. - ты не спишь?

Мерседес Перальта кивнула. - я бодрствую. Я всегда бодрствую, даже когда сплю, - мягко сказала она. - это способ, которым я пытаюсь сдерживать свои прыжки вперед себя.

Я сказала ей, что с тех пор, как я начала беседовать с Октавио Канту, меня постоянно мучают изводящие вопросы. Мог ли Октавио Канту как-то уклониться и не вставать на место Виктора Джулио? И почему он в такой полной мере повторяет жизнь Виктора Джулио?

- Это неопровержимые вопросы, - ответила донья Мерседес. - но лучше пойдем на кухню и спросим об этом Канделярию. У нее побольше ума, чем у нас обоих вместе. Я слишком стара, чтобы быть умной, а ты слишком образована.

С сияющей улыбкой она взяла меня за руку, и мы пошли на кухню. Канделярия, занятая тем, что скребла днища медных тарелок и горшков, не

слышала и не видела нашего прихода. Когда донья Мерседес подтолкнула ее, она издала пронзительный и испуганный вопль.

Канделария была высокой, с покатыми плечами и широкими бедрами. Я не могла определить ее возраст. Она иногда выглядела на тридцать, а иногда на пятьдесят. Ее загорелое лицо было покрыто крошечными веснушками, расположенными так равномерно, что они казались нарисованными. Она выкрасила свои темные вьющиеся волосы в морковно-красный цвет и одела платье, сделанное из броско разрисованного ситца.

- Как? Что тебе надо в моей кухне? - спросила она с притворным раздражением.

- Музия одержима мыслями об Октавио Канту, - объяснила донья Мерседес.

- Бог мой! - вскричала Канделария. Когда она посмотрела на меня, ее лицо выражало искреннее потрясение. - но почему о нем? - спросила она.

Озадаченная ее обвиняющим тоном, я повторила вопросы, которые только что задала донья Мерседес.

Канделария засмеялась. - а я уж было забеспокоилась, - сказала она донья Мерседес. - Музии такие странные. Я вспомнила ту Музию из Финляндии, которая пила стакан мочи после обеда для того, чтобы сбросить вес. А женщина, которая приехала из Норвегии, чтобы ловить рыбу в карибском море? Как я знаю, она так ничего и не поймала. Из-за нее перессорился весь экипаж судна. Тоже мне, взяли в море на свою голову.

Весело смеясь, обе женщины присели. - никто не знает, что у Музий в голове, - продолжала Канделария. - они способны на все. - она вновь захохотала, еще громче, чем прежде, а затем опять принялась скрести свои горшки.

- По-видимому, Канделарию очень мало заинтересовали твои вопросы, - сказала донья Мерседес. - я лично думаю, что Октавио Канту не мог избежать того, чтобы стать на место Виктора Джулио. У него было очень мало силы; вот почему он был схвачен тем, что таинственнее всего, о чем ты можешь сказать: это что-то более таинственное, чем судьба. Ведьмы называют это тенью ведьмы.

- Октавио Канту был очень молод и крепок, - внезапно заговорила Канделария, - но он слишком долго просидел в тени Виктора Джулио.

- О чем она говорит? - спросила я донью Мерседес.

- Когда люди угасают, особенно в момент их смерти, они связывают это таинственное нечто с другими людьми. Образуется непрерывная цепь, - объясняла донья Мерседес. - вот почему дети похожи на своих родителей. И те, кто присматривают за старыми людьми, следуют по пятам за своими подопечными.

Канделария заговорила снова. - Октавио Канту слишком долго просидел в тени Виктора Джулио. И тень истощила его силы. Виктор Джулио был слаб, но, окрашенная им, его тень была очень сильной.

- Ты называешь тенью душу? - спросила я Канделарию.

- Нет, тень - это то, что имеют все люди, нечто более сильное, чем их души, - ответила она. По-видимому, мои вопросы ей надоели.

- Вот так, Музия, - сказала донья Мерседес. - Октавио Канту слишком долго сидел на звене цепи - точке, где судьба связывает жизни вместе. У него не было сил уйти от этого. И, как сказала Канделария, тень Виктора Джулио истощила его силы. Поэтому каждый из нас имеет тень, сильную или слабую. Мы можем передать эту тень тому, кого любили, тому, кого ненавидели, или тому, кто просто оказался под рукой. Если мы не отдаем ее никому, она расползается вокруг после нашей смерти до тех пор, пока не исчезнет.

Я смотрела на нее, ничего не понимая. Она засмеялась и сказала: - я говорила тебе, что мне нравится быть ведьмой. Мне нравится способ, которым ведьмы объясняют события, даже сознавая то, что им трудно понять его.

Октавио нуждается во мне. Я облегчаю его бремя с помощью своих заклинаний. Он чувствует, что без моего вмешательства он повторит жизнь Виктора Джулио точь в точь.